

Для Чэнь Таотао время под домашним арестом тянулось бесконечно скучно. Нельзя было ни умчаться за город на коне, ни поглазеть на праздничные фонари на шумных улицах. Оставалось лишь стоять во дворе и смотреть вдаль, на заснеженную гору Цанэр и не замерзающую даже в лютые морозы реку Лишуй.

Ей претила эта тишина и запустение. К несчастью, поместье герцога Чэнь было выстроено вдали от городского шума. Куда ни кинь взгляд — всюду лишь резные перила да расписные терема, а вокруг — ни души, лишь тоскливое одиночество.

Чэнь Таотао, напротив, находила в этом свою прелесть. Всегда любившая покой, она считала, что этот безмолвный двор Нинси — редкое место, где можно по-настоящему расслабиться.

Слуги во дворе Нинси в этом году жили впроголодь, но никто не смел и пикнуть. Все знали крутой нрав своей госпожи: пальцы Чан Аня до сих пор были зарыты где-то под землей во дворе, и никто не хотел повторить его участь.

Поскольку Чэнь Таотао была под арестом, Миньюэ нашла отличный предлог, чтобы отваживать от неё прежних подружек. Сам же Чан Ань тихо сидел в своей камерке. Чэнь Таотао время от времени лично приносила ему уголь и еду, наблюдая, как он, сжавшись от страха, не мог скрыть жадного блеска в глазах при виде лакомств.

Дни шли своим чередом, в тишине и согласии. Срок наказания вскоре истек. Когда Чэнь Таотао вновь вышла за пределы двора Нинси, повсюду уже царил предновогодняя суэта.

В день кануна Нового года снег повалил с самого рассвета. Кутаясь от метели, Чэнь Таотао отправилась засвидетельствовать почтение бабушке. Однако она не ожидала, что двое уже опередили её: герцог Чэнь Хуань и нынешняя хозяйка дома, госпожа Ван, уже восседали во дворе Шоуань.

Хотя Чэнь Хуаню было за пятьдесят, он по-прежнему оставался статным и внушительным, а в его глазах поблескивал пронизательный огонек. Госпожа Ван, величественная и роскошная, с ног до головы унизанная драгоценностями, при виде Чэнь Таотао расплылась в улыбке.

— Таотао приветствует бабушку, приветствует отца и матушку.

Она слегка поклонилась. Не ожидая встретить здесь родителей и не будучи готовой к прямому разговору, она опустила голову, ожидая ответа. Первой молчание нарушила госпожа Ван:

— Месяц под арестом пошел Таотао на пользу, стала куда рассудительнее. Не то что Хаохао — еще на днях шумела, требовала отпустить её на фонари посмотреть.

Чэнь Таотао знала, что госпожа Ван не была родной матерью Чэнь Хаохао; она вошла в дом герцога второй женой уже после смерти первой супруги. Разумеется, она не могла смириться с

существованием законной дочери и вела с Чэнь Таотао тайную игру, то и дело подставляя Чэнь Хаохао. Но Таотао не ожидала, что та так быстро проболтается о попытке Хаохао сбежать во время наказания.

— Что? Ты хочешь сказать, что Хаохао вместо того, чтобы раскаяться, только и думала о развлечениях? — Чэнь Хуань слегка нахмурился. Он давно мечтал проучить свою своенравную младшую дочь.

Чэнь Таотао молчала, боясь выдать себя, но госпожа Ван продолжала:

— Хаохао еще дитя, излишняя избалованность неизбежна. Но она уже скоро будет на выданье, так дальше нельзя. Посмотрите на Таотао — тихая, спокойная. Она могла бы наставить Хаохао на путь истинный и избавить от детских капризов.

— Жена права. Таотао, после праздников возмись за воспитание Хаохао, — Чэнь Хуань, понимая, что госпожа Ван хочет досадить падчерице, без раздумий согласился — лишь бы та стала послушнее. Он подумал, что в чужом дворе Таотао все равно ничего особенного с ней не сделает.

Услышав приказ, Чэнь Таотао была вынуждена принять это поручение. Госпожа Ван наверняка заставит её унизить Чэнь Хаохао. Но делать было нечего, пришлось подчиниться.

Она уже открыла рот, чтобы ответить, как вдруг вмешалась бабушка:

— Таотао сама управляет целым двором, как она может каждый день бегать во двор Ланьцан? Думаю, лучше будет, если вы отдадите Хаохао мне — я сама займусь её воспитанием.

Чэнь Таотао с облегчением выдохнула: бабушка подросла вовремя. Но Чэнь Хуань возразил:

— Если матушка желает заняться Хаохао, это, конечно, лучший вариант. Просто боюсь, что девчонка своим упрямством нарушит ваш покой.

— Ничего страшного, я уже в годах, люблю, когда в доме шум.

Поняв, что старая госпожа настроена решительно, госпожа Ван осознала, что её план провалился. В душе она досадовала: что же сегодня с этой Таотао, почему не поддержала её? Неужели её намек был недостаточно прозрачен? Глупая девчонка.

— Таотао, ответь мне, — внезапно спросила бабушка, — месяц под арестом — ты поняла, за что я тебя наказала?

— Внучка понимает. Впредь буду строже следить за слугами, — ответила Чэнь Таотао, стараясь

говорить как можно спокойнее, мечтая лишь поскорее уйти от ледяного взгляда отца.

— И как же ты их наказала, вернувшись?

Чэнь Таотао удивилась, почему бабушка так вцепилась в эту тему. Бросив быстрый взгляд на Чэнь Хуаня, она была вынуждена ответить:

— Внучка во всем разобралась. Чан Ань первым начал красть имущество. Помня, что это его первое нарушение, я лишь велела запереть его во внутреннем дворе и отрубить палец.

Старая госпожа вздрогнула — она не ожидала, что Чэнь Таотао произнесет это так буднично. Чэнь Хуань, услышав имя Чан Аня, холодно посмотрел на дочь, но виду не подал. А вот госпожа Ван не сдержалась:

— Таотао, ты понимаешь, что говоришь? Ты всегда была такой кроткой и тихой, как ты могла совершить такую жестокость?

— Матушка, успокойтесь. Таковы правила дома. О какой жестокости речь?

— Ты...

— Обсудим это позже! А что с Хаохао? — Чэнь Хуань поспешил перевести тему. Взглядом он дал понять Таотао, что недоволен: она действовала слишком открыто, позволив всем узнать о расправе.

Чэнь Таотао опустила голову, изображая раскаяние и обиду, и ответила:

— Хаохао скоро придет. Дочь прощается.

Заметив кивок бабушки, Чэнь Таотао вместе со служанками покинула зал.

Она не боялась, что они заметят её внезапную перемену. Чэнь Хуаню нужен был лишь козел отпущения, который будет мучить И Чанъаня, не привлекая лишнего внимания. Он давно приказал ей: пока тот жив, она может издеваться над ним как хочет, но он не ожидал, что она осмелится на такое.

Сегодняшнее предупреждение отца означало лишь одно: он недоволен, что она не сумела скрыть свои дела от посторонних. Но он никогда не догадается, что она защищает Чан Аня. А значит, не заберет его у неё. Что касается её репутации кроткой и доброй девицы — ей на это было наплевать. Поместье герцога Чэнь, да и вся империя Тяньшэн, были обречены на гибель, так какой смысл в пустых слухах?

Сейчас важнее всего был Чан Ань. За три года она должна была наладить с ним отношения, чтобы он не затаил обиду и, если удастся, защитил её в грядущие смутные времена.

Вернувшись во двор Нинси, она увидела, что уже почти полдень. Чэнь Таотао отложила грелку, взяла свежеприготовленные молочные пирожные и направилась к каморке Чан Аня. Бедная Минъюэ только успела снять с неё накидку, как снова пришлось идти следом.

— Госпожа, если хотите его видеть, просто позовите, зачем же самой идти?

— Нельзя. Если он решит, что я отношусь к нему как к слуге, которого можно звать и прогонять по щелчку, что тогда?

— Но он ведь и есть слуга...

— Нет, не смей так говорить, пусть он не услышит!

Чэнь Таотао поспешно зажала рот Минъюэ. Она нервно огляделась, убедившись, что его поблизости нет, и только тогда успокоилась. Минъюэ взяла пирожные, думая про себя, что он, должно быть, и сам считает себя обычным слугой. Вслух же она не проронила ни слова, быстро шагая за госпожой.

После снегопада во внутреннем дворе расчистили дорожку. Чэнь Таотао увидела юношу в белых одеждах, стоявшего на тропинке. Тонкая ткань подчеркивала его хрупкость, и он казался небожителем, сошедшим на землю.

Истинный нефрит, чистый и незапятнанный. Ну, если, конечно, не замечать метлу в его руках...

<http://bllate.org/book/18614/1792168>